

ПРИКОСНОВЕНИЯ ПАМЯТИ. ЗАПИСКИ СТАРОГО ВРАЧА

А.А. Карпеев

Национальный совет по гомеопатии (г. Москва)

Touching memory. Notes of the old doctor

A.A. Karpeev

National Council for Homeopathy (Moscow, Russia)

*«Ласковыми, нежными руками память
прикасается ко мне»*

И. Уткин

В молодом возрасте (уже после окончания института) я наткнулся на небольшое стихотворение И.А. Бунина, строки из которого запали в душу: «...День наступит, Господь сына блудного спросит: был ли счастлив ты в жизни земной?». Много раз, вплоть до сегодняшнего дня вспоминал я эти строки, и ответ на поставленный вопрос всегда был однозначным: да, был! Более того, могу назвать точные даты этого огромного счастья: с 1 сентября 1957 года по 27 июня 1963 года. Это дни моего студенчества, учебы в 1-м МОЛМИ (Московский ордена Ленина медицинский институт) имени И.М. Сеченова. В последние десятилетия институт менял название, был академией, стал университетом, где-то затерялась некогда высшая награда бывшей страны, к счастью, сохранилось святое для всех наших выпускников имя И.М. Сеченова. А два года назад появилось новое название (на западный манер) – Сеченовский университет. Но до сих пор мои однокашники в качестве опознавательного пароля при встрече кричат друг другу: МОЛМИ-63! Кстати, можно ожидать ответа от ближайшего извечного соседа, друга и соперника, всегда ревниво оценивавшего слово «второй» в своем названии. И ведь здорово будет звучать: Пироговский университет. Мне он тоже очень близок, я проходил в нем клиническую ординатуру.

Почему же эти годы были для меня (уверен, что не только для меня) самыми счастливыми?

Во-первых, я учился в самом лучшем высшем учебном заведении мира. Я говорю это не из-за какого-то там квасного патриотизма. Мне доводилось бывать во многих медицинских институтах нашей страны, в том числе и в таких замечательных, как Санкт-Петербургские,

самарский, саратовский, крымский (симферопольский), волгоградский, в ближнем Зарубежье – киевский, великолепный витебский, ташкентский, самаркандский и многие другие. Бывал я и в Сорбонне, и в Бостонском университете, в китайских и корейских университетах. Я понимаю, что похож на того кулика, который свое болото хвалит, но ничего с этим поделывать не могу, и если бы мне предложили вновь начать учебу, я бы, не колеблясь, выбрал свой родной 1-й МОЛМИ.

Кстати, Бостонский университет запомнился тем, что там я впервые встретился с таким явлением, как феминизм. Было это так. Я стоял у дверей библиотеки, ждал отлучившихся куда-то товарищей. Из-за коридорного поворота вышла девушка, лицо которой было закрыто внушительной пачкой книг. Я понял, что она идет в библиотеку, и, как у нас заведено, бросился к двери, открыл ее и, учтиво склонив голову, пригласил девушку пройти. Далее последовало неожиданное. Нарочито не обращая на меня никакого внимания, девушка выгрузила свою ношу на стоящий у двери столик, закрыла открытую мной дверь, потом вновь открыла ее, подняла с пола какую-то деревяшку, подложила ее под дверь, медленно собрала в кучу книги, прошла в библиотеку, видимо, выгрузила там книги, вынула из-под двери деревяшку и закрыла дверь. Наглым мужикам, посягающим на самодостаточность женщины, был преподнесен наглядный урок!

Во-вторых, я учился у самых лучших в мире профессоров-преподавателей. Когда я время от времени открываю альбом, врученный на выпускном вечере, то, перевернув первую страницу со своей фотографией (как молоды мы были!), всегда застываю в почтительном восторге, переводя взгляд с одного лица на другое, обязательно произнося вслух их фамилии, имена, отчества. Память о них священна и неодолима для времени.

Интересным для меня представляется следующий факт. В середине девяностых мое внимание привлекла к себе гомеопатия. Ее отечественная история наполнена яркими именами, но и противников она нажила немало. Особенно ей досталось в пятидесятые годы минувшего века от представителей академической медицины. Читая материалы коллегий Минздрава СССР, его Ученого Совета, я всюду видел знакомые фамилии: Закусов, Абрикосов, Струков, Стручков и др. Главным их желанием было уничтожить, стереть с лица земли ненавистный им метод, который никак не укладывался в их сугубо материалистическое понимание мироздания. Ганемановский термин «жизненная сила» был для них воплощением идеализма, не говоря уже о субминимальных дозах гомеопатических лекарственных средств. Мне, смотрящему на проблему с современных позиций, их антигомеопатические утверждения кажутся смехотворными, но я, как прежде склоняю колени перед этими выдающимися деятелями российской и советской медицинской науки. Что же касается их взглядов и оценок гомеопатии, то, откровенно говоря, далеко ли в научном плане ушли от них современные критики и ненавистники гомеопатии? Свидетельство тому – пресловутый «Меморандум 2», попытавшийся опустить гомеопатию до уровня лженауки.

С некоторыми из Великих я встречался только на их лекциях. Например, с выдающимся физиологом Петром Кузьмичом Анохиным. Помню его лекцию об основах гипноза. Аудитория была забита до отказа, что вообще-то анохинским лекциям было, откровенно говоря, несвойственно (он не отличался выдающимися ораторскими способностями в отличие от второго профессора его кафедры Шидловского, на лекциях которого слушатели стояли в проходах). Петр Кузьмич начал лекцию с констатации факта о таинственных свойствах человеческой психики. И в качестве примера привел свои особенности – при всей гениальности он страдал необъяснимой забывчивостью, регулярно после лекции оставляя на кафедре свои часы, которые выкладывал для контроля за временем, и таким образом было утеряно огромное количество механизмов, пока к юбилею сотрудники не подарили ему золотые часы с гравировкой: «Нашедшего просим вернуть на кафедру нормальной физиологии 1-го МОЛМИ». Рассказав это, академик удовлетворенно отметил, что с тех пор ни разу нигде не оставил часы. Кстати, по окончании лекции после ухо-

да профессора часы остались на его рабочем месте, он спокойно ушел, и только дежурный ассистент забрал их.

К сожалению, не все титаны медицинской мысли были титанами на трибуне. Вспоминаю лекции великого терапевта Владимира Никитича Виноградова. Суровый, не терпящий малейшего беспорядка на кафедре и в клинике, гроза студентов и ординаторов, заподозренных в бесцельном шатании по клинике, имел какой-то врожденный (или приобретенный) дефект речи, что в сочетании с довольно бесцветным голосом создавало определенные трудности восприятия и отнюдь не стимулировало студентов к посещению лекций. В этом, кстати, заключается существенный и, в определенной мере, несправедливый парадокс – внешние атрибуты лекции зачастую значат для слушателей больше, чем содержание. Скажем, великий кардиолог Александр Леонидович Мясников (дед нынешнего телекумира) читал глубокие, содержательные, но суховатые лекции, и в итоге по посещаемости они явно уступали эмоциональным, даже с привкусом диссидентности, лекциям второго профессора кафедры Вадима Семеновича Смоленского (мне выпало счастье работать рука об руку с этим удивительным человеком в составе НИИ традиционных методов лечения в начале 90-х, и я всегда поражался необычайной простоте его поведения, а в беседах и при обходах больных – поразительной мудрости и глубине его клинического мышления).

Не могу забыть одну из лекций профессора Ярослава Степановича Пржеборовского – заведующего кафедрой неорганической химии. Как сейчас помню его сутуловатую фигуру и роскошные седые усы. Он казался нам глубоким 75-летним стариком, а вот сейчас с высоты моих восьмидесяти уже таковым не представляется. Лекции он читал, по мнению студентов, довольно монотонно и скучновато, посещаемость лекций была средненькой, но вот перед одной из них наш одноклассник Аркадий Михайлов, до поступления в институт работавший лаборантом на этой кафедре, сообщил, что в конце этой лекции нас ожидает сюрприз. Дело в том, что лекция была посвящена химическому элементу (йоду), соль которого обладает взрывными свойствами (нитрид йода – «гремучий азот»). Раствором этой соли обрабатывался большой лист бумаги, который потом высушивался, вешался над лекционным столом, и своеобразный взрыв-пакет приводился в действие ударом указки по нему. Сту-

денты нашей группы, которые благодаря Аркадию знали об этом эффекте, с нетерпением ждали окончания лекции. Однако на этот раз старый профессор запомнил об аттракционе и, закончив лекцию, неспешно пошел к выходу из аудитории. Вся наша группа смотрела на Аркадия с немим укором. И он решился. Перепрыгнув через два ряда кресел, подбежал к столу, схватил указку и шандарахнул ей по висящему листу. Раздался достаточно громкий взрыв, заставивший вздрогнуть всех присутствующих, в том числе и старого профессора, уже подошедшего к двери. Тот даже присел от неожиданности, но быстро сориентировался и благодарственно помахал Аркадию рукой. Ну, а мы были, конечно, в восторге.

PS. Впрочем, Аркадий Михайлов, с которым я стал вспоминать произошедшее, не отрицая самого факта эффектного окончания лекции, утверждает, что читал ее не Я.С. Пржеборовский, а доцент А.И. Гарбузов (впоследствии профессор и заведующий кафедрой). Но даже, если меня в данном случае подводит память, все равно было здорово!

Замечательно читал лекции по фармакологии академик Василий Васильевич Закусов. Элегантный, всегда подтянутый, с военной выправкой (он заканчивал Ленинградскую военно-медицинскую академию имени С.М. Кирова и потом долго находился на военной службе). Его лекции всегда собирали полную аудиторию. Доступность изложения сложных фармакологических проблем в сочетании с четко командирской манерой чтения привлекали слушателей. Кроме того, Василий Васильевич был известным модником – костюм всегда, как говорится, с иголочки. Но больше всего нас, молодых людей потрясали его галстуки, невообразимо красивые и на каждой лекции – новые. Про академика ходило много легенд, которые очень трудно отделить от правды. Рассказывали, что однажды он вышел на кафедру, постоял на ней несколько минут в глубокой задумчивости, потом громко сказал: «Извините, товарищи» и ушел. Как потом рассказывали сотрудники, академик просто забыл тему лекции и так переживал эту оплошность, что больше в этот день к студентам не вышел.

Как известно, студенты, пропустившие практические занятия, потом должны были отрабатывать их во внеучебное время. Василий Васильевич принимал отработки на дому. Эта процедура тоже обросла легендами. Каждого студента академик встречал в прихожей, помогал раздеться, вешал одежду на плечики,

проводил в комнату, которая служила кабинетом, и для начала угощал чаем с печеньем. Потом шла доброжелательная беседа на тему отработки, неизменно заканчивавшаяся получением зачета. В прихожей Василий Васильевич подавал студенту пальто, открывал дверь и желал всего лучшего. Скажете, либерал? Но те, кто работал с ним, никогда его этим словом не характеризовали. А аристократическому поведению (в лучшем смысле этого слова) и манерам неплохо бы поучиться многим нынешним.

Иногда мы, студенты конца пятидесятых-начала шестидесятых годов, становились свидетелями коренных переломов и тектонических сдвигов в медицинской науке и даже в целом в биологии. Так, из блестящих лекций доцента кафедры общей биологии Платона Борисовича Гофман-Кадошников мы узнали, что генетика вовсе не «продажная девка империализма», как нам настойчиво внушали еще в школе, а серьезнейшая и перспективнейшая наука, в создании которой отчетливо прослеживались российские корни. Конечно, нет сомнений, что это говорилось с одобрения заведующего кафедрой академика Федора Федоровича Талызина, который в силу своей международной занятости, редко читал лекции студентам.

Случаи, когда специалисты Института занимали видные должности в государственных и международных организациях были весьма нередки. Впрочем, бывало и наоборот. В течение нескольких лет кафедру организации здравоохранения возглавлял Сергей Владимирович Курашов – министр здравоохранения СССР, выпускник Казанского государственного медицинского института. Помню его последнюю лекцию в 1963 году. Она была последней и в другом, трагическом смысле – мы знали (а когда это было, чтобы студенты чего-то не знали), что Сергей Владимирович смертельно болен, и эта лекция – прощальная (он умер через полтора года и единственным из советских министров здравоохранения, включая Н.А. Семашко, был похоронен в Кремлевской Стене). Лекцию он читал уверенно, солидно, не очень эмоционально, но какие тут могут быть эмоции. Они, безусловно, были у слушателей, да и то внутренние.

С удовольствием мы слушали содержательные терапевтические лекции Владимира Харитоновича Василенко и Зинаиды Адамовны Бондарь. Кстати, в лекции Зинаиды Адамовны я впервые услышал ставшие потом широко известными дореволюционные строки:

«Блажен, кто рано поутру
Имеет стул без принужденья –
Ему и пища по нутру,
И прочие все наслажденья».

Прочитала она это с самым серьезным видом, отбивая ритм указкой, с которой не расставалась в течение всей лекции, дождалась реакции слушателей и расхохоталась вместе с нами.

На фоне имен великих медицинских ученых и практиков очень скромно звучит научная степень кандидата медицинских наук, которую имел заведующий кафедрой марксистско-ленинской философии Иван Алексеевич Пашинцев. Невысокого роста, достаточно тщедушного телосложения, он обладал сильным волевым характером, сочетавшимся с каким-то особенно искренним, душевным отношением к молодежи, без малейшего заигрывания с ней, что мы особенно ценили. В один из моментов у нашей группы возникло взаимное непонимание с преподавателем. На его сторону встала вся кафедра, объявив нас бузотерами и нарушителями дисциплины. Сейчас, вспоминая этот эпизод, я не могу со стопроцентной уверенностью говорить о нашей безусловной правоте, во многом обусловленной юношеским максимализмом, но и тех наказаний, которые предлагали преподаватели (особенно усердствовал один бывший офицер, настаивавший на мере наказания из военной практики – «раскассировать» группу, т.е. распределить ее студентов по другим группам). Решающее слово было за заведующим кафедрой. И он его сказал: никаких наказаний, а ведение занятий в группе он берет на себя. Таким образом, мы получили великолепно учителя и ответили на это дисциплинированной учебой, успешно сдав сессию. Ивана Алексеевича мы не просто уважали, но и любили как старшего наставника. Он отвечал нам какой-то простодушной искренностью, почти семейной доверчивостью. Помню, как мы встретили его вечером на выходе из института, к нашему удивлению он был чуть-чуть навеселе (позже мы узнали, что у него был день рождения), увидев наше изумление, обнял каждого и продекламировал: «Пейте, пейте, пейте тут – на том свете не дадут», чем привел нас в восторг. Запомнилось выступление Ивана Алексеевича на общем комсомольском собрании, где подводились итоги работы студенческого отряда на целинных землях. Отдав должное самоотверженной работе институтских комсомольцев, он неожиданно выразил удивление тем фактом,

что их лидер, постоянно и горячо агитирующий студентов за непременно участие в этом благородном деле, ни разу на целине не был. Мы, признаюсь, в кулуарах робко обсуждали эту тему и не ожидали, что наш учитель не только разделяет наши взгляды, но и открыто заявит об этом. Следует сказать, что следующие комсомольские лидеры обязательно возглавляли студенческие строительные отряды института.

Все упоминаемые годы институт возглавлял в качестве ректора его выпускник 1931 года Владимир Васильевич Кованов. Невысокого роста, кряжистый, чуть-чуть прихрамывающий (последствия перенесенного в детстве полиомиелита), энергичный, но не суматошный, в выступлениях – всегда обстоятельный и рассудительный. Будучи учеником выдающегося хирурга Николая Ниловича Бурденко, он всегда был верен лучшим традициям отечественной хирургической школы. В годы Великой Отечественной войны Владимир Васильевич прошел путь от врача-хирурга эвакогоспиталя до ведущего хирурга армии. О его огромной лечебной деятельности в этот период можно многое рассказать, основываясь на его личных воспоминаниях, многократно изданных, я же хочу напомнить об одном, весьма необычном факте. Не секрет, что в качественном лечении большую роль играет питание раненых. Но о каком полноценном питании могла идти речь в годы разрушительной войны? Обыкновенного калорийного питания не всегда хватало, а потребность в нем, особенно в госпиталях, была очень большой. В этой ситуации хирург Кованов вспомнил рассказы работников скотобоен, которые для восстановления сил иногда пили свежую бычью кровь. В это время в расположении эвакогоспиталя как раз находилось небольшое стадо крупного рогатого скота. Добыть несколько литров бычьей крови не составило труда. Проблема была в другом – вкус и запах крови были отвратительными, что для многих раненых становилось препятствием. Но и эта задача была быстро решена путем добавления в кровь всякого рода естественных ароматизаторов и отдушек. Полученную смесь наименовали гемокостолом, разливали в бутылки, и им широко пользовались во многих военно-лечебных учреждениях.

После окончания войны (для Владимира Васильевича она закончилась в Берлине) и демобилизации он был направлен на работу сначала инструктором, а затем заведующим сектором здравоохранения ЦК ВКП (б), где

проделал огромный объем работы по восстановлению разрушенного войной отечественного здравоохранения. С 1950 по 1956 годы он – заместитель директора, а с 1956 по 1966 годы – ректор своего родного 1-го МОЛМИ им. И.М. Сеченова. Последующие десять лет до ухода на пенсию В.В. Кованов – вице-президент Российской академии медицинских наук.

Столь подробное изложение биографии этого замечательного ученого, преподавателя, организатора здравоохранения, медицинского образования и науки основывается еще и на том, что на протяжении определенного времени я имел непосредственное отношение к его семье.

У Владимира Васильевича и Клавдии Андреевны Ковановых было два сына, и оба готовились стать врачами. Старший, Валерий, поступивший в институт на два года раньше нас (то есть еще до того, как его отец стал ректором), был дисциплинированным студентом, занимался в студенческих научных кружках, близким другом его был Борис Егоров – будущий космонавт, короче, никаких хлопот родителям он не доставлял.

Младший же сын, Владимир, обладал ярко выраженными лидерскими качествами (в отца!), но в то же время они сочетались у него с какой-то демонстративной нелюдимостью, которую многие принимали за высокомерие, что, может быть, и было присуще Владимиру, но в значительно меньшей степени, чем казалось (подробнее о нем в следующей публикации). Он, в отличие от старшего брата, поступил не в МОЛМИ, а во 2-й медицинский институт, чтобы избежать разговоров о семейственности, но что-то там не заладилось (Клавдия Андреевна как-то обмолвилась о том, что Володя попал в нехорошую компанию), и после одного года обучения он был переведен в наш институт и даже поехал с нашим курсом на целину. В нашу группу он попал потому, что в ней учились два его одноклассника (по школе).

Буквально через несколько дней после возвращения с целины Володя объявил нескольким студентам нашей группы, что приглашает их в гости на воскресный обед. Приглашенным он сказал, что это инициатива его мамы, которая хочет познакомиться с новыми товарищами сына. Клавдии Андреевне хотелось посмотреть на новых товарищей Володи, она даже думала, наивный человек, что сможет повлиять на состав его друзей. В ближайшее воскресенье мы пришли в дом в Староконюшенном переулке (знаменитые арбатские переулки!).

Клавдия Андреевна встретила нас как родных детей, все в квартире исходило доброжелательность и гостеприимство. Мы сели за стол, на котором стояли закуски и несколько бутылок сухого вина. Как-то тихо, по-будничному вошел Владимир Васильевич, каждому из нас пожал руку, предложил разлить вино по бокалам и, поднявшись, сказал несколько слов об институте, о медицине, о нашем врачебном будущем. Мы встали, он вновь обошел стол, чокнувшись с каждым. После обеда ректор, извинившись, ушел к себе, а мы, осмелев, даже немного негромко попели. Клавдия Андреевна увела меня на кухню и там, приобняв за плечи, сказала негромко: «Ты дружи с Володей, он хороший мальчик».

На неделе Володя сказал мне, что мама приглашает нас с ним во Дворец спорта, на тренировку фигуристок. Дело в том, что второй сын Ковановых, Валерий, ухаживал за спортсменкой-фигуристкой, и она была вхожа в их дом. До этого я несколько раз был во Дворце спорта на хоккейных матчах, но тренировку фигуристок, да и вообще фигурное катание, увидел впервые. Впечатление было потрясающим. Сам зал, который я привык видеть наполненным зрителями и бурлящим от эмоций, был тих и темен. Ярким пятном выделялась только часть ледовой площадки, по которой изящно порхали под негромкую музыку сказочные феи в разноцветных платьицах. Одна из них подъехала к бортику, у которого стояли мы, обнялась и расцеловалась с Клавдией Андреевной, подала свою маленькую ладошку и нам с Володей. Я был в восторге от увиденного, от этого совершенно незнакомого для меня мира, покоровившего свой необычностью и новизной. С тех пор я – преданный болельщик отечественного фигурного катания, прошедшего путь от полной неизвестности через феномены Белоусовой и Протопопова, Родниной и Зайцева, потрясающих Пахомовой и Горшкова до нынешних девочек, удивляющих весь мир уникальными прыжками.

Впоследствии я еще пару раз бывал в доме Ковановых, но потом это все прекратилось. Почему? Скажу откровенно – не знаю и могу только догадываться. Может быть, Клавдию Андреевну остановила моя провинциальность, как бы сказали сегодня – закомплексованность? Но, скорее всего, Володя с его выраженной самостоятельностью просто не мог позволить даже матери выбирать для него друзей. Впоследствии мы так и учились с ним в одной группе, наши отношения были дружелюбны-

ми, но не более и близкими, хотя бы чуть-чуть похожими на отношения с другими одногруппниками, выраженными в строках нашего институтского гимна: «Пусть с тобою не были мы братьями, дружба крепче породнила нас», так и не стали.

Студенческая жизнь, если иметь в виду лекции, семинары, практические занятия, шла быстро и без особого напряжения. Во второй половине дня – кино, театр, стадион, но чаще всего посиделки в общежитии, обмен новостями, споры на разнообразнейшие темы (мой однокурсник образно определил это как «ночи, длинные до хрипоты»), мечты об ужине, обычно заканчивающиеся посылкой гонца в ближайшую булочную для покупки батона за 28 копеек – такого желанного, мягчайшего, вкуснейшего. А если еще и сладкий чай, то минуты ужина превращались в минуты блаженства. Есть хотелось постоянно. У меня даже был свой критерий сытости: после плотного обеда или ужина (случалось и такое, тем более во время каникул) я мысленно задавал себе вопрос: а съел бы сейчас хороший шашлычок? И впервые ответил отрицательно только через два года после окончания института, уже работая врачом в Калуге.

Играли в незамысловатую «коробочку» (спичечный коробок подбрасывался, и в зависимости от формы его приземления начислялись очки), в карточную игру «опендаун» (так мы искажали простое ап энд даун), а изредка и в преферанс. Почему изредка? Да потому, что суровые законы этой игры не признают игру без расплаты, без наличных, а их у нас почти никогда не было. Тем не менее иногда играли. Когда в Калуге мои коллеги пригласили меня «расписать пулю», я удивился, что они предварительно не спросили, играю ли я. Мне объяснили, что этот вопрос излишен – раз был студентом, то не можешь не знать преферанса.

Но дважды в году эта гедоническая жизнь сурово прерывалась – приходила пора экзаменов. Отменялись кино, театры и стадионы, менялся даже внешний вид студентов – беззаботное выражение лица у многих сменялось напряженным и даже тревожным, беспокойным. Некоторые объединялись в группки для совместной подготовки, большинство же предпочитало работу самостоятельную. В небольшой читальный зал библиотеки пробиться было трудно. С красными от бессонных ночей глазами, взволнованные мы толкались перед аудиторией или классной комнатой и напоминали собой людей, приговоренных к смертной

казни. Наш одногруппник Гера Катковский обязательно подходил к каждому из нас с одним вопросом: «Как ты думаешь, я сдам?». И большей частью даже не дожидался ответа, это просто был ритуал. Многие, чувствуя уязвимость своего положения, обусловленную недостаточностью и непрочностью знаний, торжественно клялись себе, что такая подготовка – это в последний раз, и уж к следующему экзамену все будет по-иному. Некоторые, чтобы не поддаваться общему мандражу, были неестественно веселы и общительны.

А в аудитории за столами сидел весь цвет советской медицины, который ждал нас, чтобы получить ответ на вопрос: что и как ты усвоил за прошедшее время, не зря ли ты занимаешь место в храме науки, как готовишься к будущей работе, не подведешь ли своих учителей? Нет, не скажу, что ноги подкашивались, но нервный озноб ходил где-то рядом и в любую минуту готов был напомнить о себе.

На первом курсе мы сдавали общую биологию. С этой наукой у меня сложились непростые отношения. В школе и ботаника, и зоология, и биология давались мне легко, а все, что легко дается, не очень ценится и порождает в определенной степени какое-то легкомысленное отношение. Конечно, биология в школе и в институте – это совсем разные вещи, что усиленно пыталась мне доказать наша преподавательница – милейшая Татьяна Николаевна Улиссова. Но я был неодолим в своем поверхностном упрямстве.

На экзамене я попал к доценту Александру Ивановичу Осиповскому (кстати, соавтору Татьяны Николаевны по учебнику биологии для медсестер, вышедшему уже после описанных событий в 1962 году). Он очень доброжелательно посмотрел на меня, но мое настроение моментально испортилось, когда я посмотрел в билет. Холодок пополз по спине, и моя вера в счастливый исход зашаталась, как висячий мост под тяжестью, превышающей его возможности. Двадцать минут подготовки положения не улучшили. Я что-то блеял по первому вопросу. Добродушное выражение лица экзаменатора сменилось сначала недоуменным, а затем сочувственным. На втором вопросе мы оба сникли, и он упавшим голосом предложил мне взять второй билет. Я оживился, но, прочитав содержание билета, совсем пал духом, и блеяние мое приобрело безнадежный оттенок. Но как страдал экзаменатор! В конце концов он сказал мне: «Знаете, молодой человек, я тридцать лет принимаю экзамены и за

все это время не поставил ни одной двойки! А сейчас я, как никогда, близок к этому». Я хотел разделить с ним переживания и сказать, что никогда в жизни не получал двойки, но у меня почему-то пропал голос, я только хрипел что-то неопределенное. Лицо Александра Ивановича вдруг оживилось: «Вот условие: берите препарат и если правильно его назовете – ставлю тройку. Если нет – ну... посмотрим!». Добрейшая душа, он даже в этом положении не хотел лишать меня надежды. Я залез рукой в стоящий перед ним ящик с препаратами (их было более семидесяти, почти все надо было рассматривать под микроскопом, стоявшим рядом, и назвать действующих лиц и стадии их развития). Я не стал копаться в ящике, схватил первое попавшееся предметное стекло и посмотрел его на просвет. У меня даже прорезался голос, и я прохрипел: «Блоха!». Помощь микроскопа не понадобилась. Экзаменатор с облегчением улыбнулся, поставил «уд» и махнул рукой в направлении выхода (думаю, что про себя он произнес: «Давай отсюда, и чтобы я тебя больше не видел!»). Я же, проскочив через строй столпившихся у дверей однокурсников, выбежал во двор, добежал до Моховой и только тогда начал приходить в себя после случившегося позора. Отдышался и дал себе слово, что подобное больше никогда не повторится.

Вспоминается другой экзамен (конечно же, для любого студента – экзамен эмоционально самое запоминающееся событие). Общую хирургию мы сдавали после третьего курса. Мне выпало сдавать экзамен заведующему кафедрой профессору Стручкову Виктору Ивановичу (на тот момент этот замечательный хирург еще не был увенчан большими титулами и наградами, – Золотую Звезду Героя Социалистического Труда и звание академика РАМН он получил позднее). Я вытащил хороший билет, ответы на оба вопроса знал прилично, поэтому начал бодро и уверенно. Профессор сидел, полускрыв глаза, и время от времени поощрительно кивал. Не дослушав до конца ответ на первый вопрос, жестом разрешил перейти ко второму. Историю внутривенного наркоза я знал досконально. Пирогов, Севастополь, облегчение страданий пострадавших, дальнейшее развитие метода. И – вишенка на торте – в советской медицине проблемой внутривенного наркоза больше всего занимается профессор... Я назвал фамилию и не сразу понял, что произошло. Задремавший, казалось, экзаменатор вдруг широко открыл

глаза, вскочил, мгновенно оказался за моей спиной и закричал мне в ухо: «Кто? Кто? Повтори!» Я еще не въехал, как говорится, в ситуацию, подумал, что он просто не расслышал и уверенно повторил. Он возвратился на свое место и закричал: «Откуда ты это взял?» Я объяснил, что взял это из учебника. Но он уже не слушал. Глаза его сверкали, прожигая меня насквозь. «Надо бы тебе пару закатить, чтоб знал историю медицины, но первый вопрос ты осветил сносно, поэтому так: за первый – пять, за второй (он рубанул рукой) – кол! Итого – тройка. Иди отсюда!» Я вышел, потрясенный и угнетенный.

Вот такие две тройки я получил на экзаменах, но какие же они разные, хотя и схожи в том, что обе незаслуженные, чем и оставили глубокий след в моей памяти.

Вообще-то, справедливо утверждение, что экзамен – лотерея. Даже в том случае, когда досконально знаешь материал, хочется, чтобы он еще был и по душе. У меня с этим всегда все было в порядке. В восьмом классе школы (это была школа им. Чехова в подмосковной Истре), прочитав «Евгения Онегина», я был зачарован образом Татьяны Лариной. Часами читал в школьной библиотеке все, что имелось об этом персонаже, написал домашнее сочинение о ней, и оно так легло мне на душу, что я его выучил наизусть, будучи совершенно уверенным в том, что на экзамене мне попадет именно эта тема. С замиранием сердца следил за рукой учительницы, писавшей на доске темы экзаменационных сочинений, но не удивился, прочитав «Татьяна и Ольга в произведении А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

Еще более осязаемое совпадение моих интересов с экзаменационной лотереей произошло на приемных экзаменах в институт. Я окончил Калужскую среднюю школу №7 с серебряной медалью, и при поступлении в институт по существующему тогда положению мне нужно было преодолеть один экзамен – химию. Предмет я знал неплохо, но приемные экзамены – это новое, необычное испытание, поэтому готовился я к ним с полной ответственностью. Но странное дело: как только я сел за учебники, мне приходил в голову закон Авогадро (в равных объемах различных газов, взятых при одинаковых температурах и давлениях, содержится одно и то же количество молекул), и я каждое занятие начинал обязательно с него.

Последние пять дней перед экзаменом я провел в Москве, в доме на Чистых Прудах, где жила семья моего дяди. Его жена, Ирина

Михайловна Данилевская, обаятельная и гостеприимная женщина, в свое время училась в химико-технологическом институте, и у нее было много учебников по химии, начиная с известного в те годы учебника Глинки. И в каждом из этих учебников я находил описание закона Авогадро и, в конце концов, обладал уймой знаний об этом законе. Стоит ли сомневаться, что именно он и достался мне на экзамене. Я добросовестно изложил на бумаге все, что знал о нем (четыре положенных мне листов бумаги мне не хватило, пришлось попросить еще два) и выложил их перед изумленным экзаменатором (им был уже упоминавшийся А.И. Гарбузов). Тот пробежал глазами листки, хмыкнул, внимательно взглянул на меня и спросил, решил ли я задачу, которая прилагалась к каждому билету. С задачей у меня все было в порядке. Он посмотрел решение, взял экзаменационный лист, поставил против моей фамилии «отл.» и показал рукой, что я могу быть свободен. Я как на крыльях вылетел в коридор, побежал по лестнице вниз (аудитория располагалась на пятом этаже) и на втором этаже догнал абитуриента, сдавшего экзамен (тоже на пятерку) передо мной. Мы познакомились, пожали друг другу руки (это был Анатолий Витальевич Николаев – ныне Почетный профессор Института), но, конечно же, было не до разговоров – и его, и меня обуревали восторженные чувства.

Такое же конкретное предчувствие помогло мне и еще раз, на экзамене по инфекционным болезням. Я в течение года с большим интересом занимался этим предметом, даже посещал студенческий научный кружок, так что особого беспокойства по поводу экзамена не было. Но дня за три до экзамена к нам в комнату, где мы начали подготовку, пришел студент из соседней группы и, оживленно размахивая руками, объявил, что договорился со знакомой лаборанткой с кафедры, которая всегда отвечает за выдачу билетов. Поэтому, радовался он, каждому из нас достаточно выучить по одному билету и сообщить ему номер. Дальше, мол, дело техники. Мы (а нас было четверо) согласовали между собой выбранные номера (я выбрал номер пять) и спокойные за исход, быстро выучив по одному билету, остальное время провели, кому как заблагорассудится. Но, когда мы пришли на экзамен, нас встретил этот студент и убитым голосом сообщил, что заведующий кафедрой уснул нужную нам лаборантку по каким-то делам, и на сегодняшний день ее возвращения не предвидится. Двое из

нашей компании вместе с горе-организатором сразу ушли с экзамена, третий – почти отличник Андрей в долгих мучениях заработал тройку, а я, смело подойдя к столу, решительно достал билет и даже не удивился, что это номер пять. Правда, полного удовлетворения я не получил, потому что напутал в вопросе дифференциальной диагностики брюшного и сыпного тифа, но твердую четверку все-таки получил.

Но не могу сказать, что фортуна всегда была милостива ко мне. При подготовке к экзамену по гистологии в поле моего знания (относительного, конечно), оказались 72 билета из предложенных 73-х (зато билет №13 я не знал совершенно и трезво, как мне казалось, рассудив, что риск вытащить именно этот билет ничтожно мал, не стал забивать голову этой проблемой). На экзамен я шел уверенно, взял билет и... швырнул его обратно, увидев номер 13. Ассистентка кафедры, отвечавшая за билеты, аж ахнула от такой наглости, подхватила билет, взглянула на номер и усмехнулась: «Суеверный, что ли»? Я от потрясения говорить не мог и только кивнул. Она обернулась, удостоверилась, что эту сцену никто не видит и разрешила взять другой билет. Все закончилось благополучно.

Мне повезло, я сдавал экзамены двум министрам здравоохранения СССР – бывшему, Митереву Георгию Андреевичу, который побывал еще Наркомом здравоохранения (причем в тяжелейшее для страны время – 1939–1946 годы), был первым Министром здравоохранения СССР до 1947 года, ему я сдавал организацию здравоохранения, и будущему, Борису Васильевичу Петровскому – государственный экзамен по хирургии. Оба запомнились доброжелательностью, мягкостью, заинтересованным разговором, скорее беседой, со студентом.

Борис Васильевич – выдающийся хирург, ученый, организатор здравоохранения обладал огромным авторитетом у руководства страны, коллег, пациентов. Как и про других великих людей, про него ходило много легенд, в основе которых зачастую лежали реальные факты. Мужчин особенно восхищали выдающиеся способности печени ученого, он был способен принять изрядное количество спиртного, но утром был «как огурчик». Его ученик и товарищ по работе в хирургической клинике, замечательный специалист и ученый Михаил Израилевич Перельман, с которым я имел счастье часто беседовать, рассказывал, что иногда

после излишних возлияний ему, плохо себя чувствовавшему, приходилось на несколько часов опаздывать на работу и звонить по этому поводу в приемную шефа. И неизменно он слышал от секретаря: «Борис Васильевич в операционной». Причем, этими своими уникальными способностями он, не скрывая, гордился, но к послеалкогольным мукам других относился с пониманием и сострадал им. Тот же Михаил Израилевич вспоминал о визите к Борису Васильевичу его закадычного друга легендарного Министра среднего машиностроения СССР Ефима Павловича Славского, трижды Героя Социалистического Труда (он покинул свой министерский пост в 88 лет). В описываемый период Славскому было за 90, а Петровскому далеко за 80. После теплой встречи в кабинете Борис Васильевич поставил на стол бутылку водки и попросил секретаря принести им по паре бутербродов. Часа через полтора последовала просьба достать из сейфа еще бутылочку и холодную закуску. И, наконец, после трехчасовой беседы секретарь была послана к его заместителю (которым был Перельман) с просьбой одолжить бутылочку коньяка, что и было сделано. Через час Михаил Израилевич увидел в окно, как два человека (язык не поворачивается назвать их стариками) гренадерского телосложения еще не менее получаса, стоя у автомобиля, продолжали свою душевную беседу.

Написал эту часть воспоминаний и задумался, а не напоминаю ли я двух известных журналистов из газеты «Спорт-Экспресс», которые довольно часто публикуют свои беседы с известными спортсменами и тренерами, недвусмысленно направляя их воспоминания на то, сколько, с кем, где они выпивали, нарушали режим, а иногда и закон. Но думаю, что я им не уподобляюсь. Во-первых, свою необычайную алкогольную невосприимчивость он всегда использовал для дела, во-вторых, в русском народе, для которого проблема пьянства не постороннее дело, говорят: «Пьян да умен – два угодя в нем».

Вспоминается последняя встреча с Борисом Васильевичем. Это было в середине 90-х на одном из Пироговских съездов врачей, которые проводились по инициативе Российской медицинской ассоциации и ее президента профессора Ашота Григорьевича Саркисяна. К тому времени эйфория конца восьмидесятых – начала девяностых прошла, система здравоохранения была близка к полному упадку, возмущение врачей било фонтаном. Зал, в ко-

тором проходил съезд, был очень наэлектризован. Ораторы, возмущение которых было на пределе, усиливали его все нарастающей громкостью выступлений, доходившей до крика. С этим резко контрастировало выступление академика Петровского. Негромким голосом, без эмоций Борис Васильевич (который, кстати, неоднократно избирался Почетным председателем Пироговских съездов) начал: «Наше здравоохранение находится в тяжелом состоянии. Это нехорошо». И дальше каждый пункт своего выступления, а он коснулся всех животрепещущих проблем, он заканчивал словами «это нехорошо». Эта негромкая констатация провального положения российской медицины заставила весь возбужденный зал притихнуть и после окончания выступления бурно аплодировать. Через некоторое время Борис Васильевич, видимо устав, вышел из зала. Когда через некоторое время я вышел в фойе по своим делам, то увидел одиноко сидевшего Петровского. Он, по-моему, дремал. Я подошел, спросил, не нуждается ли он в какой-либо помощи, академик встрепенулся, поблагодарил, сказал, что вот-вот подойдет его машина. И действительно, открылась дверь и молодой человек, наверное, шофер, подошел, взял Бориса Васильевича под руку и повел к машине. А зал еще долго оживленно обсуждал ситуацию в отечественном здравоохранении, принял жесткую, ни на что, к сожалению, не повлиявшую резолюцию.

Какими же разными были наши именитые экзаменаторы! Навсегда запомнил я мрачного, сурового великого биохимика, Героя Социалистического Труда Сергея Руфовича Мордашева. За пятнадцать минут моего ответа на его лице я не уловил никакой реакции, он неподвижно и хмуро смотрел куда-то мимо меня и не задал ни одного вопроса, безразлично взял мою зачетную книжку, поставил оценку, расписался. Скажу откровенно, я даже не испытал обычной радости от факта сдачи трудного экзамена (а экзамен на самом деле был одним из самых трудных за все шесть лет, один только цикл Кребса я до сих пор вспоминаю с ужасом), было в его манере что-то высокомерное, неприятное. Впрочем, никоим образом не хочу отрицательно характеризовать академика, может быть, он просто был не в настроении, что с каждым случается.

Нечто похожее встретил я и на экзамене по ЛОР-болезням. Тогда еще доцент кафедры, будущий профессор Николай Александрович Преображенский так откровенно демонстри-

ровал полное равнодушие к моему ответу, не присаживаясь на стул и непрерывно ходя параллельно столу, что я два раза непроизвольно останавливался в своем ответе, хотя и это, впрочем, не вызывало у него никакой реакции, а я был вынужден продолжать, чтобы он не подумал, что я не знаю материала.

Но вот противоположный пример. На государственный экзамен по терапии не явился один студент, о чем доложили заведующему кафедрой профессору Мясникову Александру Леонидовичу. Выяснилось, что студент накануне, мягко говоря, злоупотребил спиртным, лежит в своей комнате в общежитии и не имеет сил добраться до аудитории. Что сделал академик? Поставил в ведомости «неуд» и закрыл вопрос? Ничего подобного. Он попросил доставить студента в любом виде. Когда того привели под руки его товарищи и усадили на стул перед профессором, Александр Леонидович попросил принести стакан крепкого чая и остался с ним один на один. Минут через двадцать студент вышел к ожидающим сокурсникам на своих ногах и с зачеткой в руках с положительной отметкой. А ведь у профессора были все основания для формального решения вопроса, но он знал, что двойка на государственном экзамене способна сильно усложнить жизнь студенту (вплоть до отказа в выдаче диплома), и поступил по-отечески, по-человечески.

Экзамены подводили черту под определенным этапом студенческой жизни. А между экзаменами студенческая жизнь была заполнена ежедневными занятиями, которые проводили наши преподаватели. В институтской жизни нет понятия «классный руководитель», но именно им мы считали преподавателя нормальной анатомии, занимавшей львиную долю учебной программы. Это была ассистент Людмила Ивановна Гордеева, милая, добрая, интеллигентная женщина, успешно внушившая нам, что анатомия – основа основ нашей будущей профессии. На ее материнскую заботу мы отвечали, как могли: кто усердной учебой, кто дисциплинированностью и уважением. На втором курсе ее сменила доцент Галина Семеновна Сатюкова (жена главного редактора центральной советской газеты «Правда», о чем она никогда нам не сообщала). Эффектная, яркая женщина с громким, чуть хриповатым голосом, она была великолепным воспитателем. Когда я на пару занятий пришел не подготовленным, она отвела меня в свой кабинет, усадила на стул, села напротив и, называя

меня по имени, показала знание моей биографии (значит, готовилась к беседе), что на меня особенно подействовало. Сказала, что сыну боевого офицера Советской Армии негоже быть в хвосте коллектива (банальные истины, но я о них не задумывался). Не скажу, что после этой беседы я сразу преобразился и взялся за ум, это произошло несколько позднее, но первый шаг к этому был сделан именно тогда.

О ее материнском отношении к нам лучше всего говорит следующий эпизод. Идет экзамен по нормальной анатомии. Экзамен государственный, поэтому присутствуют члены специальной комиссии, а не только экзаменаторы. Галина Семеновна принимает экзамен у Алексея Авдеева, который, выражаясь современным языком, был неформальным лидером группы (подробнее о нем ниже), но в учебе, мягко говоря, не преуспевал. Вот и на этом экзамене Леша тонул. Галина Семеновна задумчиво и сочувственно смотрела на него, не решаясь вынести приговор. В этот момент она увидела, что к их анатомическому столу направляется председатель государственной комиссии, который обходил все столы. Реакция нашей преподавательницы была мгновенной: она шепнула Алексею: «Смотри сюда!», пинцетом подхватила мышцу и назвала ее, потом проделала то же самое с нервом и сосудом. Когда проверяющий подошел, Галина Семеновна громко попросила Авдеева показать именно эти анатомические объекты, что Леша и сделал очень бодро. «Хорошо, Авдеев, идите, три» сказала она онемевшему от счастья студенту. Но не тут-то было. Ставший свидетелем блестящего ответа студента, возмутился старый профессор: «Как же так, великолепный ответ и только тройка?». Но смутить Галину Семеновну было нелегко: «Слабо занимался в течение года!». Председателю комиссии оставалось только одобрить столь принципиальное отношение к экзаменуемому.

И на следующих курсах, на клинических дисциплинах у нас были замечательные преподаватели, мастера своего дела. Выделить кого-либо из них, значит обидеть остальных, так же самоотверженно вкладывавших в наши молодые души приверженность нашей будущей профессии, закладывавших основы нашего мировоззрения, понимания глубокой и человечной великой чеховской мысли о том, профессия врача – это, прежде всего, самопожертвование.

И все же еще одно имя, еще одну личность выделю из этого выдающегося сонма учителей.

Это было на курсе госпитальной хирургии на Пироговке. На первое занятие нашей группы в учебный класс бодрой походкой вошла невысокая женщина в белом халате. Пододвинула к столу стул, села и... Как поется в песне: «И такую улыбкою нам улыбнулась, что вовек не забыть нам улыбки такой!» Вот-вот. Это была не материнская улыбка, не снисходительная улыбка старшего. Это была незабываемая улыбка друга. Почти шестьдесят лет прошло, встретились и напроочь забылись тысячи лиц, тысячи глаз, тысячи рук, тысячи имен и фамилий, но эта улыбка Надежды Викторовны Троян будет со мной всегда.

Кстати, много лет спустя, будучи в США, беседовал с врачом-эмигранткой из Советского Союза. Она восхищалась американцами, особо выделяя тот факт, что они постоянно улыбаются, даже совершенно незнакомому человеку. Я был гостем, спорить не хотелось, но я остался при своем мнении, суть которого заключалась в том, что постоянная улыбка на лице американца или американки это в большинстве случаев – защитная реакция, обозначающая «не трогай меня, не приставай ко мне, видишь, я тебе даже улыбаюсь». Вовсе не хочу, чтобы из сказанного был сделан вывод о моем неприятии американцев, это великая страна, великий народ, но это отнюдь не означает, что я всегда и во всем согласен с ними.

До этого занятия мы ничего не знали о героическом прошлом Надежды Викторовны. И она сама не заводила разговора об этом. Но уже после первого занятия кто-то из одногруппников сообщил, что занятия у нас ведет легендарный человек, Герой Советского Союза, белорусская партизанка. Мы все к тому времени посмотрели фильм «Часы остановились в полночь», но никак не связывали сюжет фильма со своей преподавательницей. Нет, не она лично подложила мину в постель гитлеровского заместителя, гауляйтера Белоруссии Кубе. Того самого, который заявил: «Надо, чтобы упоминание одного моего имени приводило в трепет русских и белорусов, чтобы у них леденел мозг, когда они услышат имя Вильгельма Кубе». Партизаны приговорили оккупанта к смерти, и три белорусские девушки привели этот приговор в исполнение. Говорили, что Гитлер, узнав о смерти своего любимца, назвал этих героинь, в том числе и Надежду Троян, своими личными врагами.

Мы, конечно, гордились тем, что наш преподаватель такая героическая личность, хотя ее доброжелательность и простота в общении на-

столько приближали ее к нам, что мы быстро привыкли к ее героичности, так уж устроена жизнь. А Надежда Викторовна продолжала удивлять. Как-то глубокой осенью наша группа, всегда жизнерадостная и оптимистичная, пришла на занятия в совершенно разобранном состоянии. Все, как один, были чем-то раздражены, погружены внутрь себя, хмурились, огрызались. Надежда Викторовна, войдя в классную комнату, сразу уловила настроение коллектива, не спеша по журналу проверила присутствующих и, помолчав, спросила: «Ну, и что будем делать?!» Толя Костенко, один из эмоциональных лидеров группы, вполголоса безнадежно пробурчал: «Пошли в кино!» И преподавательница, доцент кафедры, вдруг оживилась и сказала: «Ну, в кино так в кино. Пошли!» Кинотеатр «Спорт» был рядом, сеанс начинался через несколько минут, преподаватель купила нам билеты (нас было около десяти человек). Название фильма и его содержание я не помню, настолько необычный поступок Надежды Викторовны затмил все другие впечатления.

Впоследствии наша героиня была назначена проректором института, а потом в течение шести лет возглавляла Президиум Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, внесла немалую лепту в развитие этой организации, особенно в вопросе безвозмездного донорства.

Эта организация в Советском Союзе пользовалась большим и заслуженным авторитетом, имея много миллионов членов. В конце 80-х, работая в ЦК КПСС, я некоторое время возглавлял там местную краснокрестную организацию, и на торжественных собраниях, посвященных праздникам, избирался в президиум, который обычно возглавлял кто-то из членов Политбюро (на последнем таком заседании моим соседом по столу президиума был Борис Карлович Пуго, будущий Министр внутренних дел СССР и член ГКЧП, очень доброжелательный и интеллигентный человек, мы с ним даже обменялись несколькими фразами).

Но это, как говорит один известный телеведущий, совсем другая история.

Продолжение следует...

Адрес автора

К.м.н, заслуженный врач России,
Карпеев А.А.
Karpeev_AA@list.ru